

Сорок калик (3)

Собирались-соезжались дѳбры мѳлодцы,
Да тридцать юдалых добрых молодцев,
Исполделали они себе клюки-посохи,
Ипошили себе шубы бархатны,
Да сорок калик со каликою,
Идут-то калики чистым полѳм.
Да долго поѳтця, скоро скажетця,
Идут калики чистым полѳм,
Навстречу едет солнышко Выладымир-царь.
Да конь под им серым-серѳй,
А сам на коне белым-белѳй.
Да шли вси молодцы приюдалые,
Увидали солнышка Владымира,
Испотыкали клюки-посохи
Во ту же во матушку сырѳ землю,
Иповесили шубы бархатны на свои клюки —
Кланяются Владымиру челобитием:
«Уж ты здраствуй, солнышко Владымир-князь!
Сотвори нам милосыньку подушевную,
Хошь единую нам золотую гривнѳ!»
Да спрашивает солнышко Владымир-князь:
«Уж вы ой еси, калики перехожие!
Куда вы идѳте, куды правите?»
Отвѳчают как дѳбры молодцы:
«Идѳм мы в Ерусалим-град
Богу молитьця, светой гробнице поклонитьця».
Говорит Владымир таковѳ словѳ:
«Уж вы ой еси, калики перехожие!
У меня нет при себе ницего.
Пойдите вы в Ерусалим-град,
Приворачивайте в стольней Киев-град
Ко той же кнегины матери Опракsee,
Подаст вам милосыньку подушевную,
Хошь единою она вам золотѳ гривнѳ».
Распростились удалы дѳбры молодцы,

Да взели́ они шубы бархатны,
Да взели́ они клюки-посохи,
Идут в чисто поле и приговариват,
Да взяли меж собой велик залог:
«И кто у нас в городе соврёт и солгёт,
Да кто у нас в городе заворуется,
И кто у нас в городе забледуется,
Того нам судить, правó, свойм судóм:
Закопáть его ноне по грудя́м в землю́,
Езык-от его вынетъ теменем,
Да ясные оци вынетъ косицами».

Заходят удалы добры молодцы
Во той же славный Киев-град,
Ко тому двору княженецкому,
Ко тому же окошечку косявщету,
Из рецей калики выговариват:
«Ой еси, кнегина мать Опраксея!
Сотвори нам милосыньку подушевную,
Единую нам ты золоту гривну!»

Вскрывает мать кнегина Опраксея окошечко косявщето:
«Да милости прошу во гридню светлую!»

На то ле калики не ослышались,
Посылали они Самсона Колыбановича.
Заходит удалый добрый молодец
Во ту ли он в гридню в светлую.
Ей крест ле кладёт по-писáному,
Поклон-от ведёт по-учёному,
Молитву творит полну Исусову,
Он кланяетця во все четыре стороны:
«Уж ты здраствуй, кнегина мать Опраксея!
Сотвори ты нам милосыньку подушевную,
Хошь единую ты нам золоту́ гривну!»

Говорит ли мать кнегина Опраксея:
«Заходи ко мне по-прежнему, по-досельному».

(Она прежде его-то знала.)

«Ой ты ой еси, кнегина мать Опраксея!
Нейду я во гридню тебе спаленку».

Говорит кнегина таковó словó:
«Дай мне суму бархатну —

Нейдёшь в гридню светлую,
Положу я в суму золоту́ гривну́».
Положила же чару золотую во сумочку.
Пошёл юдалый добрый молодец
На тое же крыльцо [на] красное,
Пошли юдалы добры молодцы в чисто полё.
Да долго поётця, скоро сказываетця.
Приехал солнышко Владимир-князь из чиста́ поля,
Заходит во гридню тёплу спаленку,
Хватилса он своей золотой цяры́,
Без которой он не пил, не ел.
Говорит Владимир таково слово:
«Ой ты ой еси, кнегина мать Опраксея!
Куды ты девала золоту цяру́,
Без которой я не пью, не ем?»
Говорит мать кнегина таково́ слово:
«Приходили калики перехожие,
Украли у тя да золоту цяру́».
На то Владимир не ослышался,
Из рецей Владимир выговариват:
«Уж ты ой еси, Олёшенька Попович блад!
Пойди-ко, Олёшенька, на конюшен двор,
Выводи себе коня доброго,
Поедь-ко, Олёшенька, во чисто́ поле,
Настиги́ калик перехожих,
Спроси у их ли, спрове́дай же,
Не попала ли к им золота цяра́».
На то-де Олёшенька не ослышилсэ,
Пошёл-то Олёшенька вон на улицу,
[На тот же пошёл на конюшен двор,]
Выводил себе коня доброго,
Садился на коня доброго,
Поехал Олёшенька во чистое поле.
Настигает калик добрых молодцев,
Из рецей-то Олёшенька выговариват:
«Ох вы ой, калики перехожие!
Уж вы же та сорока загуменная!
Вы зацем упрятали у Владимира
Да ту цяру золотую?»

Да тут калики остановилисе,
Поворотили от Олешеньки назад глаза,
Сняли Олёшу с добра́ коня,
Нахлестали Олешеньку по жопу,
Дали все по алабушу,
Посадили Олёшу на добра́ коня́,
Едва Олёша на конé сидит.
Приехал Олёша в стольный Киев-град,
Ко тому же крылечку прекрасному,
Ко тому же солнышку Владимиру,
От того же Олешеньки ответу нет.
Говорит-то солнышко Владимир-князь таковó слово:
«Ох ты ой еси, Добрыня Никитич млад!
Снаряди своего коня доброго,
Поедь-ко, Добрыня, в поле чистое,
Настиги́ калик перехожих,
Спроси, спроведай,
Не попалась ли моя золотая цяра́,
[Без которой цяры́ я не пью, не ем]».
Не то-де Добрынюшка не ослышался,
Скоро ставал с лавочки дубовой,
Надевал на себя платье цвётное,
Да выходил Добрыня вон на улицу,
Выводил себе коня доброго,
Садился на коня ён на доброго,
Поехал Добрыня во чистó поле,
Настигает Добрынюшка калик перехожиих.
Увидал ён калик добрых,
Кругом объеждят калик же,
Вставает каликам наперёд же,
Спускается Добрыня с добра коня:
«Вы здравствуйте, калики добры молодцы!
Вы скажите нынеча, спроведайте,
Куды поехали, куды направились?
Ох вы ой еси, калики добры молодцы!
Вы были у нас в городе в Киеве,
Не попалась ли вам цяра золотая
Того же солнышка Владимира,
Без которой [цяры́ он не пьёт, не ест?]»

Обыскали они свои сумы-де бархатны,
Нашли у Самсона Колыбановича
Да ту же нонь цяру золотую
Да отдали Добрыне Микитичу.
Закопали Самсона Колыбановича по грудям в землю.
Распростилса Добрыня Микитич млад,
Поехал Добрыня в стольный Киев-град.
Идут калики чистым полем,
Зашли калики в Ерусалим-град,
В ту же церковь божию,
Увидали во церкви добра молодца,
Того же Самсона Колыбановича,
Тут ему в ноги пали, стали прощатися.

(Зап. Астаховой А. М.: 23 июля 1929 г., д. Великая Виска, Ненецкого нац. округа — от Дитятевой Прасковьи Ивановны, 69 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.